

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 2.

11 ЯНВАРЯ 1859.

Выходить одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шильдбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свишникова.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Гитнера. кв. № 23.

Къ № 2-му предлагается: «Nocturne romantique», соч. Леопольда Мейера, исполненное имъ въ концертѣ. (въ залѣ Дворянскаго Собранія).

Содержаніе: Вѣсти отовсюду (М. Раппанорта).—Критическія замѣтки (Дм. Исаева).—Любителямъ живописи (Константина Званцова). — МАРІЯ ТАЛЪОНИ.

ВѢСТИ ОТОВСЮДУ.

Итальянская Опера. — Базетъ Катарина. — Бенефисъ г-жи Липской. — Текущія петербургскія новости. — Читаніи объ исторіи русскаго театра. — Великій магъ и волшебникъ. — Піанистъ Шарль Веде. — Живописецъ Зичи и Т. Готье. — Реформа провинціальныхъ театровъ во Франціи. — Газетъ въ руссконъ провинціальныхъ городѣхъ. — Разбойничья драма. — Вѣсти изъ Парижа, Вѣны, Гамбурга, Кобурга, Милана и пр. — Г-жа Ингеборгъ-Штаркъ за границей.

Возобновленіе *Зора* и *Фра-Діаволо* доставило абонентамъ Итальянской Оперы истинное удовольствіе. Исполненіе этихъ оперъ, въ особенности послѣдней, было гораздо-удачнѣе, чѣмъ въ прошлые годы. Въ *Зора* отличался въ знаменитомъ дуэтѣ г-нъ Эверарди, доказавшій еще разъ, что онъ отличный вокалистъ и пѣвецъ вообще; госпожа *Доттини* замѣнила съ успѣхомъ госпожъ *Маррай* и *Ней*; она не уступаетъ въ этой роли первой и лучше послѣдней. Прочіе исполнители тѣ же, что и въ прошломъ году: гг. Тамберликъ, Марини и г-жа Лотти де-ла-Санта, которая видимо приобрѣла болѣе легкости и гибкости. Чудный квартетъ «*mi manca la voce*» все производитъ восторгъ. *Фра-Діаволо*, не имѣвшій особеннаго успѣха въ прошломъ году, взялъ свое въ нынѣшнемъ. Меломаны наши усердно рукоплескали и музыкѣ и исполнителямъ. Г. Ронкони увлекательно-комически представилъ типъ оригинальнаго Англичанина (ревнивца и труса) и участіемъ своимъ въ

№ 2.

этой оперѣ придалъ ей много жизни. Г-жа Бозіо возбудила восторгъ исполненіемъ вставной аріи изъ «Клятвы» Обера; она пѣла ее такъ, какъ врядъ ли въ состояніи снѣтъ кака-либо изъ современныхъ пѣвицъ. Вообще она была очаровательна въ роли Церлины. Роль *Фра-Діаволо*, намъ кажется, пойдетъ Тамберлику. Партія эта, за малымъ исключеніемъ, требуетъ болѣе граціознаго, чѣмъ энергическаго исполненія. Гг. Эверарди и Марини (бандиты) смѣшавъ публику во весь вечеръ, въ особенности Эверарди гримированъ уморительно и играетъ съ неподдѣльнымъ комизмомъ. Сцена, въ которой онъ передразниваетъ г-жу Бозіо, необыкновенно забавна и по общему требованію повторяется каждый разъ. Г-жа Эверарди заступила въ роли Англичанки г-жу *Лаблашъ де Мерикъ* и заслуживаетъ похвалу за добросовѣстное исполненіе. Г-жа Эверарди отличная музыкантка, поетъ вѣрно и голосъ у нея пріятный; она весьма полезная артистка.

Когда мы пишемъ эти строки, объявлена Марта, въ пользу г-на Моижини. Весьма интересно, какъ удастся это произведеніе на итальянской сценѣ. Носятся слухи, что въ нынѣшнемъ сезонѣ возобновятъ *Норму* для г-жи Лотти; готовить тоже *Донъ-Жуана* и *Вельку* (Сѣверная Звѣзда), поговариваютъ и объ *Ченерентолѣ*.

Катарина, лучшее созданіе гг. Перро и Пуны, дана была нѣсколько разъ на прошедшей недѣлѣ; въ главной роли явилась г-жа Катерина Фридбергъ. Она имѣла успѣхъ, ей много аплодировали; въ особенности увлекательно она исполнила *Тарантеллу*; — въ послѣдней картинѣ заставили ее повторить трудное на въ костюмѣ Волшебницы. Что касается до насъ, то мы нашли г-жу Фридбергъ необыкновенно-граціозною въ позѣхъ; адажіо ея всегда выразительно и хотя она замѣтно тоже приобрѣла силу и ловкость въ ногахъ, но по нашему мнѣнію танецъ ея еще не довольно свободенъ, въ немъ замѣтно еще что-то принужденное. Впрочемъ, сегодня мы хотѣли только засвидѣтельствовать, что г-жа Фридбергъ въ новой роли имѣ-

да успѣхъ, чему мы искренно радуемся, потому что артистка эта одарена талантомъ и необыкновенно-старательна. Многочисленность предметовъ, о которыхъ мы хотимъ бесѣдовать сегодня, не позволяетъ намъ входить въ подробности; — итакъ до другого раза.

Г-нъ Кшесинскій тоже успѣшно явился въ роли, которую обыкновенно занимаетъ г-нъ Перро.

На русской сценѣ состоитъ бенефисъ г-жи Липской въ прошедшую среду; давали одну оригинальную пѣсу «Ворожба» и нѣсколько передѣлокъ съ нѣмецкаго и французскаго, въ числѣ которыхъ капитальною пѣсою была оперетка «Лавочникъ-акціонеръ». Обо всемъ этомъ представимъ читателямъ нашимъ отчетъ въ будущее воскресенье. Лидія Томсонъ продолжаетъ свои дебюты въ Театрѣ-Циркѣ все съ возрастающимъ успѣхомъ; она въ особенности отличается въ англійскихъ національных танцахъ и, какъ мы уже говорили, прекрасно мимируетъ.

Праздники бываютъ обыкновенно самымъ глухимъ, самымъ неурожайнымъ на новости временемъ; — оно можетъ показаться страннымъ, а между-тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Всѣ производители новаго во всѣхъ отношеніяхъ заготовляютъ свои произведенія къ праздникамъ; общественная жизнь вращается въ это время въ заранѣе-опредѣленной для нея колесѣ; откуда же быть новостямъ? — развѣ случится что-нибудь непредвидѣнное, неожиданное и негаданное. На этотъ разъ ничего такого не случилось: праздники прошли обычнымъ порядкомъ. Вчера, впрочемъ, давали Итальянцы Марту съ новыми танцами г. Петина, музыку для которыхъ написалъ г. Пуны; но это было такъ недавно, что не могло послѣтъ въ типографскій станокъ, печатавшій нынѣшній нумеръ «Вѣстника».

Если мало новаго въ настоящемъ, за то много въ будущемъ, въ перспективѣ.

Во-первыхъ, мы имѣли случай видѣть программу публичныхъ чтеній объ исторіи русскаго театра, которая будетъ надѣяться представлена на разсмотрѣніе начальства. Это покуда еще тайна, но вѣдь журналисты народъ нескромный; притомъ же мы не давали обѣщанія хранить тайну. Чтенія, если начальство разрѣшитъ ихъ, будутъ происходить во время Великаго поста. Новость предмета, почти не тронута критикой, придастъ, по всей вѣроятности, большой интересъ этимъ чтеніямъ, а отсутствіе театральнаго представленія будетъ содѣйствовать стеченію публики въ то время, когда, кромѣ концертовъ и заѣзжихъ фокусниковъ, нѣтъ никакихъ развлеченій.

Кстати о фокусникахъ. Въ Петербургѣ находится въ настоящее время г. Шово — великій магъ и волшебникъ, по выраженію Расплюева. Онъ дѣлаетъ, говорятъ, удивительныя вещи, не столько руками, сколько посредствомъ гальванизма и электричества. У него великолѣпная коллекція снарядовъ, которая можетъ поспорить богатствомъ и кабинетомъ знаменитаго Роберъ-Гудена, хорошо извѣстнаго всѣмъ бывавшимъ въ Парижѣ. Г. Шово давно уже въ Петербургѣ, но не могъ еще пріискать себѣ удобной залы; онъ дождется, вѣроятно, Великаго поста и будетъ хлопотать о разрѣшеніи давать свои представленія на одномъ изъ театровъ.

Мы начинаемъ уже получать извѣстія о музыкантахъ, собирающихся посѣтить насъ Великимъ постомъ; такъ мы узнали, что піанистъ Шарль Веле (Wehle) ѣдетъ въ Петербургъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ былъ онъ, проездомъ изъ Парижа къ намъ, въ Позенѣ, гдѣ далъ концертъ. Тамошнія газеты го-

ворятъ, что онъ выказалъ себя отличнымъ артистомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ виртуозовъ нашего времени. Игра его отличается необыкновенною быстротою, вѣрностію, самоувѣренностію и проворствомъ; вся техническая сторона ея заслуживаетъ удивленія, ~~тутъ~~ его чрезвычайно мягко, онъ превосходно выражаетъ чувства пѣжныя и спокойныя. Вы видите, что нѣмецкія газеты не поспѣваютъ на похвалы нашему будущему гостю. Очень будемъ рады, если г. Шарль Веле оправдаетъ всѣ эти похвалы на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, наши иностранные собраты бываютъ слишкомъ податливы на восторженные дѣйствія рамбы или же созданнымъ знаменитостямъ, такъ что мы, по необходимости, должны иногда не довѣрять имъ. Много разъ уже была наша публика обманута преждевременными преувеличенными слухами. Мы передали мнѣніе нѣмецкихъ газетъ о г. Веле, но оставляемъ за собою право высказать о немъ, со-временемъ, наше собственное сужденіе, а теперь можемъ только сказать ему: *милости просимъ, мы гостю всегда рады.*

Но все это вперед, а что новаго въ художественномъ мірѣ Петербурга теперь? спрашиваете вы.

Мы уже сказали вамъ, что праздничные дни не податливы на новости. Много толкуютъ о предстоящемъ бенефисѣ гоножи Феррарисъ, который очень озабочиваетъ всѣхъ любителей балета. Перро нездоровъ, не встаетъ съ постели; — кто же будетъ ставить новый балетъ? да и будетъ ли еще новый балетъ? Хотя въ этомъ и нѣтъ новости, но за то есть, какъ говорится, современный вопросъ.

Рекомендуемъ вамъ статью Теофіла Готье о живописцѣ Зичи, напечатанную въ фельетонѣ Journal de St. Petersburg, статью въ высочайшей степени лестную для художника и занимательную для читателя. Г. Готье открылъ въ г. Зичи одного изъ своеобразнѣйшихъ и даровитѣйшихъ живописцевъ нашего времени. Петербургъ давно уже это знаетъ, но, не зная не сознаться, что никто еще не говорилъ объ этомъ съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Не считаемъ себя въ правѣ переводить статью г. Готье вполнѣ и боимся испортить ее извлеченіемъ; прочтите-жъ еще лучше въ подлинникъ: она заслуживаетъ вниманія по искусству, съ которымъ написана, и множеству интересныхъ подробностей о г. Зичи и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ художникахъ нашихъ.

За сямъ, дѣлать нечего, мы должны распрощаться съ Петербургомъ и попросить читателей совершить, вмѣстѣ съ нами, путешествіе по Европѣ. Прежде всего просимъ пожаловать въ Парижъ, въ этотъ вѣчно-кипящій жизнью городъ, въ этотъ неистощимый источникъ всякихъ новостей.

Парижскіе художественные журналы сильно заняты въ настоящее время проектами преобразованія провинціальныхъ театровъ, которые находятся, повидимому, въ очень плачевномъ состояніи. Такъ какъ и наши провинціальные театры не могутъ похвастаться благоустройствомъ, то вопросъ этотъ интересенъ и для насъ. Вотъ одинъ изъ просмотрѣнныхъ нами проектовъ, который, по нашему мнѣнію, можетъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, имѣть и у насъ примѣненіе.

Всякій провинціальный городъ, имѣющій годовую, т. е. постоянную театральную труппу, долженъ самъ содержать ее. Городское начальство должно выбирать, съ утвержденія управляющаго провинціей, директора, которому оно передаетъ всю власть свою и права. Подъ начальство этого директора поступить всѣ состоящія при театральномъ управленіи; по назначенію капельмейстера, главнаго режиссера, равно какъ и смѣты расходовъ по постановкѣ пѣсѣ, происходятъ съ

утвержденія городского начальства. Кассира-контролера должно также назначать городское начальство, хотя онъ и будетъ состоять подъ начальствомъ директора. Всѣ прочія, принадлежащія къ театру лица, актеры и т. д., ангажируются самими директорами.

Для обсужденія дебютовъ составить комиссію изъ пяти членовъ: 1) изъ одного изъ членовъ городского управления, который будетъ, въ то же время, президентомъ комиссіи; 2) изъ управляющаго театромъ; 3) капельмейстера и 4) двухъ жителей города, постоянныхъ посѣтителей театра или его любителей? Комиссія эта произноситъ приговоръ о дебютантѣ не иначе, какъ посмотрѣвъ его, *по-крайней-мѣрѣ*, въ пяти различныхъ роляхъ; приговоръ же постановляется большинствомъ голосовъ. Театральное управленіе имѣетъ право принимать актеровъ на двухмѣсячное испытаніе, но должно предупредить актера объ отказѣ своемъ за мѣсяцъ впередъ; актеръ же обязуется попрежнему продолжать свою службу въ продолженіи этого мѣсяца.

Абонементъ на мѣста слѣдуетъ уничтожить, за исключеніемъ годоваго абонементна на семейныя ложи, и то въ ограниченномъ числѣ.

Театральный годъ долженъ продолжаться девять мѣсяцевъ: начинаться 15 августа и кончаться 15 мая.

Всѣхъ представлений въ недѣлю должно быть пять; остающіеся два дня должны быть посвящены репетиціямъ исключительно новыхъ пьесъ.

Для поощренія актеровъ, выдавать имъ, по окончаніи года, независимо отъ жалованья, треть годовыхъ барышей; двѣ остальные трети дѣлить между управляющимъ театромъ и городомъ, который долженъ употребить свою долю на улучшеніе театра.

Хористы и хористки не входятъ въ этотъ расчетъ; но въ пользу ихъ давать ежегодно одно представленіе.

Не допускать въ театрѣ никакихъ неприличныхъ манифестаций, оскорбительныхъ для артистовъ и для большинства публики.

Замѣчанія, которыя могутъ быть сдѣланы гг. любителями и знатоками, должны быть изложены письменно, на имя управляющаго, который докладываетъ о нихъ комиссіи. Съ этою цѣлію долженъ быть выставленъ въ театрѣ, на видномъ мѣстѣ, ящикъ.

Реформа провинціальныхъ театровъ во Франціи напоминаетъ намъ разсказъ одного изъ нашихъ корреспондентовъ, г. Гаузенберга, о происшествіи, случившемся въ одномъ изъ нашихъ городовъ.

Въ Т-ѣ театръ былъ грязноватый, — да оно иначе и быть не могло, если взять въ расчетъ, что иногда и на освѣщеніе не хватало. Удивительное дѣло: городъ хорошій, и жителей много, и богатые были люди, а какъ-то плохо посѣщали театр! Содержалъ тогда труппу икто А...овъ, и театръ принадлежалъ ему. — Небольшая была труппа, и всѣ такъ дружно, хотя и бѣдно, жили; бывало, заѣдешь къ нимъ на репетицію: тутъ же на сценѣ и репетиція идетъ, тутъ же и актеры и музыканты обѣдаютъ, тутъ же и спать въ лѣтнее время: благородный отецъ примостилъ свою койку въ павильонъ, гдѣ Вальтеръ, въ «Терезѣ», убиваетъ г-жу де Сенапжъ. Комикъ ежедневно отсыпается и даже опохмѣляется въ лодкѣ, устроенной для разбойниковъ въ «Двумужницѣ»; а первая любовница, — когда ей случалось почевать въ театрѣ, — помѣщалась всегда въ губернаторской ложѣ. — Антрепренеръ и радъ бы былъ завести что-нибудь порядоч-

ное, и костюмы, да и самый театръ устроить поприличію, — да не начто! Чего, бывало, бѣдные, не дѣлаютъ: и афиши — то пустятъ чуть не саженыя, и распубликуютъ, что: «вотъ, дескать, приѣзжая артистка такая-то, изъ***, проѣздомъ, будетъ участвовать въ спектаклѣ»; или вдругъ хватятъ какую-нибудь «Русалку» съ бенгальскими огнями и брилліантовымъ солнцемъ. Не дѣйствуетъ, да и только! Вотъ семь часовъ, половина восьмага, восемь часовъ, а публика все не ѣдетъ.

Запята 5, 6 креселъ, 4 ложи (изъ нихъ въ одной семейство полиціймейстера, въ другой — жена купца, поставляющаго въ долгъ дрова въ театръ, а третья лежа занята, также безденежно, моднымъ магазиномъ г-жи Блохиной); да пять, шесть пыльных мѣщанъ изъ райка изъясняютъ свое нетерпѣніе хлопаньемъ и топаньемъ. Глядятъ актеры въ устроенныя въ заставѣ отверстія, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ войдетъ семейство С*, или Г*; наконецъ, дѣлать нечего, начинаютъ спектакль, и «Леста, Днѣпровская русалка», съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ и картиной, проходитъ также неудачно, какъ «Филатка» или «Что имѣемъ, не хранимъ»... Видя бѣду неминуемую, А-овъ пустилъ въ дѣло послѣдній свой, какъ онъ называлъ, «резервъ»: онъ рѣшился давать балеты! И вотъ вся труппа, танцовавшая съ грѣхомъ пополамъ кадрили, пустилась учиться балетному искусству у единственной въ труппѣ танцовщицы, Пр-ой. — Декораторъ и механикъ В-евъ засаженъ за работу подъ замкомъ, такъ какъ былъ человѣкъ ненадежный, имѣвшій всегда поползненіе спести весь матеріалъ и даже самыя кисти въ питейный домъ. Костюмы переправлены и на послѣднія средства подбланы башмаки и трико для актрисъ и красные сафьяные сапожки для актеровъ. — Балетъ сочинили великолѣпный: съ машинами, превращеніями, зенфирами, сифидами и потребнымъ количествомъ крылышекъ изъ картонной бумаги, съ золотыми и серебряными блестками.

Наконецъ, огромная афиша возвѣстила городу, что «такого-то числа, съ дозволенія начальства, данъ будетъ большой балетъ: «Приключенія охотниковъ или — сонъ на яву», въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ танцами, превращеніями, полетами и великолѣпнымъ спектаклемъ».

Дѣло было ярморочное, — и народу приѣзжаго въ городѣ было довольно. Хозяинъ самъ сѣлъ въ кассу: къ обѣду болѣе половины мѣстъ было разобрано, и все на чистыя денежки.

«Вотъ», думаетъ антрепренеръ, «теперь-то мы воскреснемъ!... Пойдутъ дѣлшки: надо будетъ ложи новымъ плетомъ обтянуть; стульевъ подбавить нужно; да... ужъ, коли на то пошло... вынншу актрисъ новыхъ, ничего не пожалѣю!»...

Къ восьми часамъ публики набралось много, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали балета, еще небывалаго на т-ой сценѣ. — Оркестръ, постоянно наяривавшій вальски, мазурочки и проч., на этотъ разъ сыгралъ (только, какъ сыгралъ?) отрывокъ изъ «Лучи» Донизетти. Запавѣсъ подняли, — и передъ публикой открылись горы и лѣсъ. — Музыка заиграла маршъ, на сценѣ появились три охотника, одинъ съ ружьемъ, а двое съ луками, колчанами и стрѣлами. Долго объяснялись они между собой паптомною; а между тѣмъ, около задней декораціи спустилась на дерево огромнѣйшая птица: орелъ не орелъ, а не менѣе той птицы «руха», о которой разсказывается въ 1001-й почт. Птица эта была самымъ знаменитымъ произведеніемъ декоратора В-ва; на ея изготавленіе пошло пропасть матеріалу,

а ужь о работѣ и говорить печего. Только-что птица спустилась на сцену, какъ два охотника съ луками пустили въ нее стрѣлы — и не попали; прицѣлился охотникъ съ ружьемъ (самъ антрепренеръ); ему, вѣроятно, по ходу балета, предложена была честь свалить птицу. — Всѣ ожидали пистона, и вдругъ... о ужасъ! раздался настоящий выстрѣлъ; птица покатила по сценѣ, а вслѣдъ за нею покатила и театральнѣйшій плотникъ Харитонъ, обливаясь кровью и испуская отчаянные вопли...

Трудно себѣ представить, что за суматоха поднялась въ театрѣ! Всѣ актеры сбѣжали на сцену: волшебница кричить: «доктора!» пажъ тащить ведро воды и т. д. Скоро публика стала раздвѣжаться, требуя изъ кассы обратно деньги за мѣста; остались только любопытные, сѣвшіе узнать вѣсь подробности.

Этотъ несчастный случай произошелъ отъ того, что ружье хорошенъко не осмотрѣли, а прямо падѣли пистонъ, основываясь на словахъ мѣщанина, ссудившаго ружье и увѣрявшаго, что оно не заряжено. Плотнику, поддерживавшему птицу, суждено было принять большую часть заряда дробью въ лѣвое плечо. Хотя онъ и выздоравливалъ, но долго былъ боленъ. Не дешево стоило бѣдному А-ову вылечить его и *удовлетворить*; не дешево раздѣлялся онъ и съ полиціей...

Но возвратимся въ Парижъ. На театрѣ de la Gaité имѣла огромный успѣхъ драма г. Деннери «*Картушъ*»; вотъ ея содержаніе.

При поднятіи занавѣса сцена представляетъ парижскій рынокъ, извѣстный подъ названіемъ Pailles. Ночь. Разбойникъ Картушъ, награбившій себѣ значительный капиталъ, на который приобрѣлъ великолѣпный домъ, собираетъ на рынокъ свою шайку и совѣщается съ нею о средствахъ подешевле меблировать домъ. Они уже рѣшили разграбить къ утру рынокъ; но на рынокъ приличной мебели нѣтъ. Картушъ, переодѣтый въ военный мундиръ, вмѣшивается въ толпу офицеровъ, разговаривающихъ о немъ.

— О! говоритъ одинъ изъ нихъ, самый умный и богатый, маркизъ д'Орбессанъ, еслибъ я захотѣлъ поймать этого неуловимаго Картуша, повѣрьте, что мнѣ не трудно было-бы разгадать всѣ его хитрости и представить въ полицію связаннаго по рукамъ и по ногамъ.

— Посмотримъ, говоритъ про себя Картушъ и отдастъ своей шайкѣ приказаніе перенести изъ отеля маркиза д'Орбессана всю мебель во вновь-купленный домъ.

Второе дѣйствіе происходитъ въ этомъ домѣ, меблированномъ на-счетъ маркиза. Въ домѣ праздникъ, на который собралась вся парижская знать. То-то будетъ пожива ворами! Сколько табатерокъ, часовъ и дамскихъ уборовъ перейдетъ въ ихъ карманы! Приѣзжаетъ маркизъ д'Орбессанъ и очень, разумѣется, удивляется, что его мебель, бронзы, картины и даже фамилные портреты перешли въ чужую квартиру. Картушъ самъ объясняетъ ему эту загадку. Маркизъ обнажаетъ шпагу, но Картушъ, который дерется какъ Сень-Жоржъ и д'Эонъ, въ одну минуту выбиваетъ у него шпагу изъ рукъ.

Изъ залъ Картуша дѣйствіе драмы переноситъ зритель въ квартиру начальника полиціи, г. де Франлье. Между Картушемъ и д'Орбессаномъ завязался правдивѣйшій поединокъ. Чтобы поразить своего противника его собственнымъ оружіемъ, смѣлый разбойникъ является къ начальнику полиціи переодѣтый семидесяти-лѣтнимъ старикомъ. Онъ называетъ себя дядей д'Орбессана, котораго убили и ограбили въ его

глазахъ. — Одинъ изъ разбойниковъ, прибавляетъ онъ, овладѣлъ бумагами убитаго и явится въ полицію подъ именемъ маркиза д'Орбессана. — Послѣ этого не трудно догадаться, каково принимаютъ бѣднаго маркиза. Но неосторожность Картуша останавливаетъ дальнѣйшій успѣхъ этого обмана; видъ ящика съ брилліантами дочери г. де Франлье разстраиваетъ все дѣло. Картушъ похищаетъ ящикъ, завязываетъ ротъ заставшему его слугѣ, сбрасываетъ съ себя парикъ и выскакиваетъ въ окно.

Когда Картушъ былъ еще дитей, у него былъ другъ и товарищъ, Франсуа Бодуэнъ. Картушъ былъ красавецъ, а Франсуа почти уродъ; Картушъ отличался смѣлостью, ловкостью и умомъ, а Франсуа былъ неуклюжъ, пеловокъ и тяжелъ. Франсуа пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы повидаться съ двумя подругами дѣтства, которыхъ нѣжно и преданно любитъ. Къ одной изъ нихъ, рыночной торговкѣ, питаетъ онъ нѣжную дружбу; къ другой, дочери г. де Франлье, тайную любовь.

Отецъ Луизы, г. де Франлье, принимаетъ Франсуа очень недръжелюбно, вслѣдствіе чего бѣдняжка вбиваетъ въ стѣну своей подкровельной комнатки большой гвоздь и собирается повѣситься. Въ это время Картушъ падаетъ къ нему съ крыши, какъ свѣтъ наголову. Десять лѣтъ не видались они, но точчасъ-же узнаютъ другъ друга. Имя Картуша не пугаетъ Франсуа, потому что онъ, живя въ своей провинціи, ничего не слыхалъ о его подвигахъ; поэтому онъ не мало удивляется, когда Картушъ, переодѣвшись поселяниномъ, встрѣчаетъ ищущихъ его полицейскихъ солдатъ.

Картуша мучитъ мысль, что онъ никогда ничего не укралъ у своего друга; онъ собирается даже подтибритъ хорошенъкій перламутровый ножикъ, но Франсуа самъ даритъ ему его. Затѣмъ Картушъ снова выпрыгиваетъ въ окошко и пускается путешествовать по крышамъ, спасаясь отъ преслѣдующей его полиціи.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи сцена представляетъ цѣлый городъ крышъ и трубъ: — Парижъ съ высоты птичьяго полета. Картушъ прыгаетъ съ кровли на кровлю и считаетъ уже себя въ безопасности, какъ вдругъ, изъ одного слуховаго окна появляется маркизъ д'Орбессанъ. Впрочемъ это появленіе не смущаетъ Картуша: онъ сидитъ на острокопечной кровлѣ и предлагаетъ маркизу, не хочетъ-ли онъ пожаловать къ нему. Когда-же д'Орбессанъ добирается до него, онъ схватываетъ его и подымаетъ на воздухъ надъ улицей. «Мы упадемъ вмѣстѣ!» кричитъ маркизъ; но вовремя подоспѣвшая стража освобождаетъ его и связываетъ Картуша.

Разбойника сажаютъ въ тюрьму и ставятъ шесть часовъ у его дверей. При немъ неотлучно находится тюремщикъ, для наблюденія, чтобы никто не проходилъ къ преступнику, кромѣ лицъ, имѣющихъ дозволеніе отъ начальника полиціи. Д'Орбессанъ подсмѣивается надъ Картушемъ, а Картушъ объявляетъ, что къ утру будетъ на свободѣ. Ему отказываютъ въ чернилѣхъ и бумагѣ, а онъ находитъ и то и другое въ хлѣбѣ, который присылаетъ ему одинъ изъ его единомышленниковъ. Картушъ пишетъ записку и причетъ ее за кокарду шляпы своего врага. Записка доходитъ по назначенію и въ назначенный часъ является къ услугамъ разбойника веровочная лѣстница, по которой онъ спасается изъ тюрьмы.

Послѣ этого Картушъ отказывается отъ своей разбойничей жизни, потому что влюбился въ крестьянку, подругу своего друга Франсуа; онъ хочетъ жениться на ней и зажить

добрым отцом семейства и честным гражданином. Это доброе намерение не удается ему. Неугомонный д'Орбессань преследует его. Он снова созывает свою шайку и, благодаря вмешательству Франсуа, снова попадает в руки правосудия.

Эта пьеса, веселая и забавная в продолжение первых шести картин, переходит под конец в потрясающую драму. Мы уже сказали, что она имела большой успех. Дюменъ превосходно играет роль Картуша.

Репетиции новой оперы Фелисьена Давида быстро двигаются вперед, так что она скоро будет готова к представлению.

Получено известие из Неаполя, что опера Верди «Симон Бокканегра» имела успех; в ней поют Фраскони, Колетти, Антонуччи и г-жа Фиоретти.

Г-жа Персиани устраивает в Париже школу пения, при которой будет небольшая театр, чтобы ученики могли учиться к сценическому пению.

Россини работает очень-прилежно и допускает изрядка тесный кружок друзей своих к слушанию своих новых произведений. Он написал несколько сочинений в разных родах: для одного голоса, трио, квартетов, для струнных инструментов и для одного фортепиано. Слышавшие говорят, что эти новые труды отличаются прежнее оригинальностью знаменитого маэстро. Его композиции для фортепиано исполняются молодым Итальянцем Станциери, находящимся под его покровительством. Незвестно, издаст ли он все эти сочинения. В прошедшем месяце давал в его великолепной квартирке небольшую оперу «Трианонская молочница», слова Галоп д'Онкера, музыка Векерлина; г-жа Мира играла графиню Люсьенну, а г. Бьеваль маркиза де Брюна. Опера была принята с восторгом, а когда стали вызывать авторов, г-жа Мира и г. Бьеваль прочли небольшую сцену в речитативах, которая кончилась объявлением имен авторов.

В Мадриде имела успех опера маэстро Вера «Адриана Лекуверье». Очень хвалят либретто и исполнение. Г-жа Кайзер и г. Нери-Бальди пели с большим вкусом; последний особенно поправился в романсе, в котором вполне выказал свою превосходную методу, но главною поддержкою для оперы была госпожа Тедеско, удивившая публику своим превосходным голосом, безукоризненным стилем и драматическою игрою. Ее вызвали несколько раз во время представления и четыре раза по окончании оперы. В честь ее написана, по случаю этого спектакля, цѣлая поэма.

Знаменитый контрабасист Боттезини написал оперу, которую давали с большим успехом на миланском театре *Санта-Радегонда*; опера называется «*Diavolo della notte* — Демон ночи.» Особенно поправилась увертюра и первый акт. Второй и третий акт также поправились и будут еще больше нравиться, когда в них вслушаются. В продолжение первого акта Боттезини был вызван десять раз и столько же раз в два последние акта. По окончании представления он был вызван еще три раза. Миланские журналы в совершенном восторге от его оперы.

Все музыканты будущего сговорились, кажется, съехаться нынешней зимой в Венецию. Недавно прибыл туда Рихард Вагнер вместе с Виртемпергером, любимым учеником Листа. Самого Листа ждут в нынешнем месяце. Молодой пианист Дженаппо Перелли, знакомый петербур-

ской публике, дает концерты на одном из венецианских театров и очень правится.

В нынешнем сезоне, на придворном оперном театре в Вѣне, будут даны следующие новые оперы: «Альма», романтическая опера Томаса Лева, «Кипрская роза», опера Бальфа, и «Диана де Саламиз», опера герцога Саксен-Кобург-Готского. Последняя была недавно представлена в Кобурге, в присутствии самого герцога и, по словам пѣмечных рецензентов, имела вполне заслуженный успех.

Клара Шуман продолжает давать в Вѣне концерты, на которые стекается многочисленная публика.

В Брюнне находится в настоящее время необыкновенный ребенок, тринадцатилетняя Пенелоппа Бигонци, перед которой сестры Миланолла, Ферри, Перуды и другие, равно ничего не значат. Она не только превосходно исполняет на фортепиано самые трудные пьесы Тальберга, Гориа и др., но даже и сочиняет.

В Ганновере умер Фердинанд Фридрих Бах, один из родственников знаменитого Себастьяна; он был учеником Иохима и очень хорошим скрипачем.

В Париже умер Генрих Бланшар, музыкальный критик и композитор, особенно известный музыкою для куплетов, сделавшеюся народною. Он писал и маленькие оперы. В портфелях его осталось, говорят, много хорошаго. Г. Бланшар любил серьезную музыку и был ревностный поклонник Глука и Моцарта.

Читатели наши вероятно помнят прелестную и талантливую пианистку Ингеборг-Штарк, замѣчательному таланту которой недавно еще рукоплескали в наших аристократических гостиных; мы полагаем, что многочисленные поклонники ее с удовольствием узнают об успехах ее за границей. Она недавно давала концерт в Дрездене и один из известных тамошних критиков Банке отзывается об ней (в дрезденском журнале) с большими похвалами; он подробно исчисляет замѣчательныя качества игры ее и хвалит ее композиторский талант. Не делаем выписок из этой статьи, потому что талант г-жи Штарк давно известен у нас и оценен по справедливости. Из Дрездена г-жа Штарк отправилась в Париж, где скоро предстанет перед судом тамошней публики. Не сомневаемся в успехе; это артистка, которую ждет большая известность.

М. РАППАПОРТЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сочинения П. Меншикова. Томъ 1. Спб. 1858 г.

Последнюю нашу бесѣду прошлаго года мы окончили разбором драмы г. Фрейтага «Валентина», которая произвела на нас самое приятное впечатлѣніе, но в этот же раз нам пришлось говорить и о взятках, которыми проникнуты все современные драматическія сочинения. Мы негодовали на это одностороннее направление нашей литературы и вместе с тем на черезчур неудачное подражаніе нашим корифеям, какими мы считаем гг. Писемскаго и Щедрина. В этом году нам опять приходится начинать наш обычный отчет со взятки, потому что в последнее время явилось несколько комедій на тот же предмет, но разбор их мы отлагаем до другаго раза, а теперь скажем несколько слов о сочинениях г. Меншикова, который давно

уже пользуется извѣстностью въ нашей литературѣ, хотя эта извѣстность не громкая, а напротивъ тихая, постоянная и безъ сомнѣнія справедливая. Начало литературной дѣятельности г. Меншикова относится къ 1840 г., а блестящій періодъ ея къ 1847 г., когда онъ написалъ «Шутку», обратившую на себя вниманіе лучшихъ литературныхъ дѣятелей и читателей—вѣрнымъ изображеніемъ жизни во множествѣ самыхъ забавныхъ и чрезвычайно характеристическихъ подробностей. Мы не станемъ разбирать мелкихъ статей въ прозѣ, но за то рассмотримъ драматическіе очерки, которыхъ въ изданномъ томѣ сочиненій г. Меншикова четыре: «Торжество добродѣтели», «Благородные люди», «Любитель словесности» и «Шутка». Въ заглавіи поставлены года, въ продолженіе которыхъ были написаны статьи, помѣщенные въ первомъ томѣ, но мы не знаемъ, къ которому году относится каждое изъ произведеній г. Меншикова;—это необходимо, потому что тогда легче можно бы было судить о развитіи его таланта, такъ какъ онъ поставленъ критиками на довольно видное мѣсто въ нашей литературѣ. Мы тѣмъ серьезнѣе должны разобрать драматическіе очерки г. Меншикова, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли авторъ достоинъ такой извѣстности... Прослѣдя сочиненія г. Меншикова, мы вывели то заключеніе, что они отличаются необыкновенною простотою въ выраженіи мысли и далеки тѣхъ громкихъ фразъ и метафоръ, которыя преобладаютъ въ произведеніяхъ нашихъ современныхъ писателей. Г. Меншиковъ не заботится объ увлеченіи, онъ производитъ тихое, но постоянное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное впечатлѣніе; у него нѣтъ ни громкихъ фразъ, ни монологовъ, которыми такъ щеголяютъ герои современныхъ характерныхъ драмъ. У г. Меншикова все просто и натурально; его дѣйствующія лица взяты изъ вседневной жизни, не идеализированы, а выставлены такъ, какъ ихъ встрѣтилъ авторъ; онъ, изображая ихъ, не старался выразить свои собственные чувства, онъ оставилъ себя въ сторонѣ, а изображалъ только тѣхъ людей, которые поразили его той или другой стороной своего характера,—отсюда понятно отсутствіе громкаго фразерства и пустословія... Кромѣ этого незомѣннаго достоинства, у г. Меншикова есть еще,—это ему одному свойственный юморъ, которымъ проникнуты всѣ его произведенія. Юморъ этотъ не бросается въ глаза,—авторъ не выставляетъ лицъ, на которыхъ бы отдѣльно сосредоточилъ свою юмористическую наклонность; нѣтъ, юморъ г. Меншикова проходитъ по всему сочиненію и отзывается полнымъ хладнокровіемъ автора къ его дѣйствующимъ лицамъ. Повторяемъ, г. Меншиковъ совсѣмъ не участвуетъ своею личностію въ изображеніи своихъ героев; онъ, рисуя ихъ, не имѣетъ въ виду никакой нравственной идеи, не думаетъ исправлять людскіе недостатки, а представляетъ только плоды своихъ наблюденій, не заботясь о впечатлѣніи, которое они могутъ произвести на читателя... Каждый писатель, изображая человѣка въ различныхъ фазахъ его жизни, долженъ непременно самъ соприкасаться той сферой, изъ которой онъ беретъ своихъ героевъ, потому что только тогда можетъ быть искренность и правда, когда авторъ знакомъ съ предметомъ своего изслѣдованія;—представлять же такъ, по общей формулѣ, конечно можно, но какъ же все это выйдетъ?... Доказательствомъ нашихъ словъ могутъ служить произведенія съ героями-чиновниками, на которыя всякій чиновникъ въ состояніи написать самую строгую критику, потому что онъ, какъ членъ этого міра, лучше знакомъ съ условіями его, нежели авторъ, представляя идеальнаго чинов-

ника. Міръ административный имѣетъ много своихъ особенностей, изучить которыя необходимо, если желаешь быть справедливымъ, и это условіе, какъ кажется, исполнѣе понялъ г. Меншиковъ, потому что его ни въ одномъ мѣстѣ нельзя упрекнуть за уклоненіе отъ дѣйствительности. Чиновники у г. Меншикова всѣ люди обыкновенные, встрѣчающіеся повсюду, особенно въ Петербургѣ; стоитъ только зайти въ любую департаментъ и вы тотчасъ увидите вѣрные портреты экзекутора, чиновника для особыхъ порученій и т. п. Такой чиновничій міръ представляетъ авторъ въ «Торжествѣ добродѣтели», содержаніе котораго таково: Графиня ***, супруга начальника кокого-то присутственнаго мѣста, беретъ къ себѣ на воспитаніе различныхъ сиротъ, и воспитавъ, выдаетъ за-мужъ за чиновниковъ своего вѣдомства, награждая ихъ мѣстами вмѣсто приданаго. Въ настоящее время у графини есть еще одна воспитанница, которая какъ-то долго не сходится съ рукъ, не смотря на всѣ со стороны графини старанія. Въ этомъ дѣлѣ ей помогаетъ очень экзекуторъ канцеляріи, который, по приказанію ея сіятельства, приноситъ списокъ неженатыхъ чиновниковъ съ аттестатомъ о ихъ нравственности и состояніи, составленномъ по его собственному умозаключенію. Выборъ графини падаетъ на Веленицкаго, чиновника для особыхъ порученій, человѣка вполне безукоризненнаго;—ему графиня предлагаетъ руку своей Вариньки, обѣщая выхлопотать мѣсто чиновника Пастухова, который скоро долженъ умереть... Веленицкій радъ этому предложенію, потому что чрезъ женитьбу онъ пріобрѣтаетъ повышеніе по службѣ, что открываетъ ему дорогу къ дальнѣйшей карьерѣ... Но вдругъ графиня переменяетъ свое намѣреніе, ея Варинькѣ нашелся другой женихъ, вѣроятно болѣе выгодный, а потому Веленицкій получаетъ чрезъ экзекутора отказъ, который говоритъ ему: «Вамъ жениться не надобно. Сейчасъ получено предложеніе. Графиня приказала сказать вамъ это. Она, говоритъ, очень довольна вашимъ усердіемъ, общается за это похлопотать объ мѣстѣ для васъ и говоритъ, что ваша добродѣтель восторжествуетъ». Разбирая характеры дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, мы находимъ, что они всѣ правдоподобны и прекрасно выдержаны, особенно графиня; это важная барыня, которая очень любитъ вмѣшиваться въ дѣла своего мужа по управленію департаментомъ. Такихъ женщинъ очень много; имъ мало однихъ заботъ о пародахъ и визитахъ, надо обширнаго поля дѣйствія на служебномъ поприщѣ, необходимо имѣть вліяніе на подчиненныхъ чиновниковъ не только въ ихъ служебномъ быту, но и въ домашнемъ. Г. Меншиковъ въ лицѣ графини прекрасно охарактеризовалъ подобныя личности, которыя часто своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ приносятъ вредъ, если не присутственному мѣсту, то чиновникамъ, которые, не смотря на добросовѣстность ихъ службы, бываютъ иногда отрѣшаемы отъ должности потому только, что имѣли несчастье не поправиться ея превосходительству; а его превосходительство, какъ пѣжрый и любящій супругъ, боится не исполнить требованіе жены, милость которой ему нужна,—чтобы можно было предаваться пѣкотормъ запрещеннымъ удовольствіямъ, на которыя такъ надки нныя престарѣлые превосходительства... Нѣсколько сценъ въ пріемной графа также чрезвычайно характерны;—это вѣрная картина происходящаго каждый день въ пріемной вельможи: одно и то же, всегда и вездѣ, съ нѣкоторыми только, можетъ быть, незначительными варіаціями... Г. Меншиковъ въ «Торжествѣ добродѣтели» ясно выказалъ свою способность наблюдать и насмѣшливый, смѣшанный съ презрѣ-

ніемъ взглядъ на пресмыкающихся предъ сильными міра сего. — Въ комедіи «Шутка» авторъ знакомитъ насъ съ среднимъ классомъ петербургскаго общества. Этотъ классъ, постоянно стремящійся сравниться съ высшимъ, но никогда не достигающій, можетъ быть названъ аристократіею средней руки, потому что тутъ мы видимъ людей болѣе или менѣе важныхъ, владѣющихъ средствами, нажитыми на службѣ, потомъ богатыхъ купцовъ и наконецъ промотавшихся амфітріоновъ. Жизнь этого класса состоитъ вся въ паружномъ подражаніи большому свѣту, доходившемъ иногда до карикатуры, а потому наблюденіе надъ этимъ ложнымъ пониманіемъ жизни представляетъ обширное поле дѣйствія для юмора талантливаго писателя... Черная рѣчка есть лѣтнее мѣстопробываніе этихъ аристократо-подражателей; здѣсь вы встрѣтите то же, что и на островахъ Каменномъ и Елагинномъ, только доведенное до пошлости; тутъ вы увидите и старика-мужа, проводимаго вертлявою женой, и хорошенькую дѣвушку, вздыхающую о своей неволѣ и завидующую львицамъ средней руки; наконецъ есть даже и свои львы, живущіе зимой въ какой-нибудь отдаленной части города, а лѣтомъ въ лачужкѣ, именуемой дачею... Однимъ словомъ Черная рѣчка лѣтомъ — маленькій провинціальный городокъ, гдѣ господствуютъ такіе же дразги и сплетни, съ тою только разницею, что передаются изъ устъ въ уста на французскомъ языкѣ, родство котораго съ нижегородскимъ, по сравненію безсмертнаго Грибоѣдова, весьма близко... Къ такому-то классу петербургскаго общества принадлежитъ и г-жа Мордовская, промотавшаяся полковница, мать двухъ перерѣзанныхъ барышень, зараженныхъ непомѣрнымъ чванствомъ и глупостію. Цѣль маманьки — сбыть поскорѣе съ рукъ дешевый товаръ, потому что средствъ къ жизни нѣтъ, а жить хочется, — такъ вотъ чрезъ дочерей и есть возможность обобрать какого-нибудь глупаго богача, съ судьбою котораго ни одна изъ Мордовскихъ не задумается связать свое счастье, потому что, не имѣя никакихъ твердыхъ нравственныхъ началъ, онѣ не думаютъ о значеніи человѣка, — имъ бы только жить, соря безъ разсчета деньгами... Наконецъ, послѣ долгаго успія, одна изъ барышень сговорена за чиновника Попова, богатаго по недалекаго представляющаго типъ настоящаго петербургскаго чиновника. Цѣль Мордовскихъ почти достигнута, стоитъ только повѣнчаться и тогда снова можно жить попрежнему, тратя жениховы денежки, но не такъ случается: безуміе невѣсты и сестры ея портятъ все дѣло. Причина та, что, желая потѣшиться надъ Захаровымъ, родственникомъ жениха, барышни Мордовскія увѣряютъ его, что въ него влюблена Даша, бѣдная дѣвушка, живущая въ ихъ домѣ. Шутка заходитъ далеко; — Захаровъ, тронутый вниманіемъ Дашин, не прочь жениться на ней и сдѣлать ее чрезъ то ровнею Мордовскимъ. Тѣ приходятъ въ ужасъ отъ одной только этой мысли, распространяютъ насчетъ Дашинъ различныя клеветы и объявляютъ ей, чтобы она не смѣла и глазъ казать, когда сдѣлается чиновницей. Такимъ образомъ, желая помѣшать счастью Дашин, Юлія Алекс. сама теряетъ жениха, потому что Поповъ, видя злость своей невѣсты, предугадываетъ будущую жизнь съ такою женою и, посоветовавшись съ Захаровымъ, уѣзжаетъ въ деревню... Этою шуткою, сыгранною ради потѣхи надъ бѣдною дѣвушкою, Мордовская лишается собственнаго счастья, устраивая между тѣмъ судьбу той, надъ которой смѣялась... Мать въ отчаяніи отъ отказа Попова: «Господи Боже мой!» (говоритъ она) и было думала, привалило намъ... Вотъ вамъ и шутка! Смѣйтесь безмозглыя, дожидайтесь другаго жениха. Нѣтъ, ду-

раки-то нынче выводятся»... Вообще Мордовская — мать удалась автору въ совершенствѣ и мы выпишемъ нѣсколько разговоровъ съ дочерьми, какъ ясно выражающихъ ихъ характеръ, такъ и потому, что изъ этихъ сценъ можно себѣ составить самое вѣрное понятіе о внутреннемъ бытѣ того класса общества, къ которому принадлежитъ семья Мордовскихъ, лишенная всякихъ средствъ, но надутая пустою гордостью и ложнымъ пониманіемъ собственнаго достоинства.

Софья Ал. — Маманька, да мнѣ надо наволочекъ сшить: всѣ въ дырахъ. — *Мордовская.* — Тебѣ все и приспичитъ вдругъ! кто видитъ твои наволочки, что онѣ въ дырахъ. *Софья Ал.* — Да ужъ такъ худы. Хотѣла у Юліишки взять, да и у пей не лучше. Вчера рубашку велѣла надѣть на подушку. Горничной стыдно. Я ужъ соврала ей, — сказала, что покрала бѣлье. — *Мордовская.* — Покупать что-ли холстъ, коли изъ деревни привезутъ можетъ быть. — *Софья Ал.* — Опять такой же дерюги привезутъ, какъ рубашки сдѣлали. — *Мордовская.* — Вотъ еще дерюги! Что, ты рубашку сверхъ платья носишь?.. Да, съ кѣмъ ты танцевала?.. *Софья Ал.* Онъ всегда такъ любезничаешь. — *Мордовская.* Чтожъ онъ не сватаетъ болванъ? За него бы можно... Порядочно наворовалъ; говорить, когда... *Софья Ал.* — Маманька, вѣдъужъ онъ старенець. — *Мордовская.* Вотъ еще фигуры какія! Ты бы... (входитъ лакей) что?.. *Лакей.* — Сѣна нѣтъ-съ, кучеръ приказалъ доложить. — *Мордовская.* — Какъ нѣтъ? Давно ли брали? — *Лакей.* — Немалости брали все. Четыре лошади... овса немного даютъ. — *Мордовская.* — Ну ладно, завтра купятъ. — *Лакей.* — Не хватитъ до завтра-съ. — *Мордовская.* — Чтожъ онъ прежде думалъ оселъ... На вотъ (даетъ деньги). Пускай купишь пудъ на огородѣ. — *Лакей.* — Да у фореитора сапогъ нѣтъ. — *Мордовская.* — Какъ нѣтъ? куда же они дѣлись. — *Лакей.* — Худы стали-съ. — *Мордовская.* — Ты такъ и говори; это еще не значить, что нѣтъ. Ну, и что ли буду чинить? — *Лакей.* — Да какъ и чинить ихъ: одни сапогъ еще туда и сюда, а ужъ другой совсѣмъ плохъ. — *Мордовская.* — Ну хорошо: купишь. Пускай покуда поспитъ худой пату погу, которую не видать за лошадыю...» Если указывать на всѣ подробности, такъ щедро раскиданныя г. Меншиковымъ по всей комедіи, то тогда пришлось бы выписывать все отъ начала до конца, потому что такъ все мастерски выполнено, все такъ правдиво и смѣшно, что смѣло можно сказать, что комедія г. Меншикова можетъ служить образцемъ для молодыхъ драматическихъ писателей... Кромѣ таланта, который несомнѣненъ, г. Меншиковъ умѣетъ еще хорошо выражаться; оставаясь самъ всторонѣ и не пропикаясь никакимъ чувствомъ, онъ представляетъ своихъ героевъ читателямъ, предоставляя имъ самимъ судить о нихъ по впечатлѣнію: такъ, изображая мать, торгующую дочерью, дѣвушекъ, зараженныхъ страстью потѣшиться на-счетъ ближняго, авторъ не выражаетъ никакого собственнаго чувства и оставляетъ читателю самому рѣшить, какъ далеко ушла эта семья въ дѣлѣ общечеловѣческаго прогресса...

Объ остальныхъ драматическихъ произведеніяхъ г. Меншикова мы не будемъ распространяться, потому что считаемъ ихъ гораздо слабѣе двухъ выше разобранныхъ комедій, хотя и тамъ встрѣчаются тѣ же достоинства, которыя мы отмѣтили тутъ, но намъ неясна мысль, руководившая авторомъ при сочиненіи этихъ двухъ небольшихъ комедій-разсказовъ, какъ «Благородные люди» «Любители словесности». Въ первой мастерски выдержанъ характеръ простоватаго и влюбливаго квартальнаго, — характеръ совершенно новый и прекрасно

выражающий полицейского чиновника, въ которомъ служебныя интересы не заглушили сердечнаго чувства, хотя они его не менѣе занимаютъ, чѣмъ какая-то m-lle Сорокина... Однимъ словомъ и въ этой комедіи читатель найдетъ много интереснаго и невольно разсмѣется, читая признаніе въ любви квартальнаго или свидѣтельствованіе въ квартирѣ миним-утопущаго чиновника, Рябинина — такъ много тутъ юмора, самой тонкой и ѣдкой пропіи, — рѣшительно по нашему мнѣнію неподражаемой... Почти подобное впечатлѣніе производитъ и Трофимовъ, богатый купецъ, скунающій всякій книжничій хламъ, для того чтобы казаться истиннымъ цѣнителемъ отечественной литературы. — Впечатлѣніе, вынесенное нами изъ чтенія сочиненій г. Меншикова, было самое пріятное; — мы давно не читали ничего подобнаго, потому что встѣтили тутъ истинный талантъ, соединенный съ наблюдательностію и взглядомъ, выработаннымъ опытомъ жизни, тогда какъ во всемъ современномъ — нѣтъ рѣшительно и тѣни чего-нибудь похожаго... Здѣсь слова, вытекающія изъ необходимости, изъ самаго характера дѣйствующаго лица, тамъ же фразы, произносимыя громко, но бесполезно... Мы считаемъ совершенно справедливымъ повторить тѣ похвалы, которыя нашъ почтенный авторъ уже слышалъ отъ другихъ критиковъ, — жаль только того, что онъ такъ мало пишетъ, его голосъ былъ бы теперь очень кстати и даже необходимъ... Г. Меншиковъ имѣетъ много данныхъ, чтобы писать: его приняли съ радостію, его труды оцѣнили и авторъ ихъ поставленъ на видное мѣсто среди пишущей братии... Намъ остается только желать, чтобы г. Меншиковъ далъ намъ какое-нибудь новое, подобное прежнимъ, драматическое произведеніе и этимъ сообщилъ толчекъ нашей сценической литературѣ, которая, подобно младенцу, все еще и уже давно поконится въ колыбели... поднять же ее — некому...

ДМ. ИСАЕВЪ.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЖИВОПИСИ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ уже носились по городу слухи о пріѣздѣ одного изъ профессоровъ венеціанской Академіи Художествъ съ шестью оригинальными картинами; наконецъ въ № 282-мъ Сѣверной Пчелы за минувшій годъ, въ такъ-называемой Пчелкѣ, между прочими газетными замѣтками Эрміона помѣщено было слѣдующее объявленіе:

«Намъ, жителямъ С. Петербурга, весьма рѣдко случается видѣть картины великихъ художниковъ, напоказъ галерей Италіи и другихъ странъ Европы, потому что, при всей легкости, при всей удобствѣхъ предпринимавшихъ нынѣ поѣздокъ за границу, поѣздки эти все-таки требуютъ значительныхъ расходовъ, не всегда соразмѣрныхъ съ средствами истинныхъ любителей искусства. Тѣмъ болѣе должны мы цѣнить рѣдкіе случаи, представляющіеся въ этомъ отношеніи, и стараться пользоваться ими для удовлетворенія эстетическаго чувства, жаждущаго истинно высокихъ наслажденій, мало того — для несомнѣнныхъ успѣховъ на пути нашемъ къ истинно эстетическому образованію. Спѣшимъ довести до свѣдѣнія публики, что на-дняхъ привезены изъ Венеціи въ С. Петербургъ, для продажи, оригинальныя картины италіанскихъ мастеровъ XVI столѣтія. Описывать ихъ не наше дѣло: пусть сама публика; пусть артисты и знатоки произнесутъ сужденіе свое, когда рѣчь идетъ о прелестныхъ произведеніяхъ, принадлежащихъ кисти Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Корреджіо, Фра-Анджело и проч. Въ полной надеждѣ, что владѣтель этихъ сокровищъ не откажетъ намъ въ наслажденіи полюбоваться ими въ какой-либо публичной залѣ, дозволяемъ себѣ къ этой надеждѣ присовокупить еще другую — важную и свѣдую, именно: что любовь наша къ изящному и національная гордость не выступятъ изъ Россіи картинъ, весьма немногихъ по числу, но высокихъ по достоинству: онѣ всегда и вездѣ будутъ лучшими перлами италіанской живописи.»

Столь краткое и загадочное объявленіе многими оставлено безъ всякаго вниманія, тогда какъ иные въ недоумѣніи, можетъ быть, спрашивали: кто привезъ изъ Венеціи эти картины? сколько ихъ? какихъ онѣ мастеровъ? что именно изо-

бражаютъ? гдѣ ихъ можно видѣть? и т. д. Съ своей стороны смѣшимъ отвѣтить на такіе основательные и весьма вѣроятные вопросы, тѣмъ охотнѣе, что намъ удалось дважды видѣть эти превосходныя произведенія.

Привезъ картины профессоръ венеціанской Академіи г. Бузатто, который хотя еще не рѣшился выставить ихъ для публики, но по врожденной любезности своей показывалъ многимъ любознательнымъ цѣнителямъ и знатокамъ живописи. Не имѣя ни малѣйшаго притязанія принадлежать къ числу ихъ, тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ представить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о картинахъ г. Бузатто, не опасаясь преувеличить ни красоту ихъ, ни достоинство. Нѣтъ ничего капризнѣе и заносчивѣе нашего воображенія: бѣда описать какой-либо предметъ съ выгодной стороны! онъ всегда покажется ниже неосторожнаго описанія, ниже предварительной похвалы. Если есть исключенія изъ подобнаго общаго правила, это — привезенныя нынѣ изъ Венеціи картины, которыя далеко превзошли ожиданія наши: всѣ видѣвшіе ихъ сознаются, что едва-ли кто привозилъ въ Россію лучшія картины, что едва-ли гдѣ можно видѣть соединенными столь высокія произведенія.

Первое изъ нихъ, работы Фра-Джіованни Анджело Физольскаго (1387—1455), представляетъ погребеніе тѣла св. Франциска д'Ассизо, основателя Францисканскаго монашескаго ордена. Эта небольшая картина, изображающая болѣе тридцати фигуръ, принадлежитъ лучшей манерѣ этого рѣдкаго живописца XIV столѣтія (*trecentista*); сверхъ изящной простоты вымысла, сверхъ вдохновенной набожности и смиренія, находимъ въ ней величайшую правду situacii, разнообразіе въ движеніяхъ и характеристикѣ, необыкновенную выразительность въ страдальческихъ лицахъ, — однимъ словомъ, вѣра и благочестіе никогда еще не были изображены столь живо и трогательно.

Вторая картина, также небольшого размѣра, принадлежитъ кисти великаго Микеланджело Буонаротти. Не взирая на крайне-ограниченное число оставшихся послѣ него живописныхъ произведеній, знатоки не сомнѣваются въ подлинности этой замѣчательной картины. Правда, что, за недостаткомъ времени, Микеланджело часто поручалъ колорированіе Фра-Себастьяну даль Пюмбо; но колоритъ послѣдняго носить на себѣ особый отпечатокъ — теплый, почти венеціанскій, и кроме того, въ Фра-Себастьянѣ не ищите ни той непогрѣшной правильности рисунка, ни того изумительнаго знанія анатоміи, которыя ставятъ Микеланджело несравненно выше всѣхъ другихъ художниковъ и которыя видны въ описываемой намъ картинѣ. Она представляетъ тѣло снятаго со креста Спасителя на колѣняхъ у Богоматери. Высокое изящество и строгая правда въ рисункѣ, необыкновенное благородство въ характеристикѣ, величіе въ формахъ, искусство въ расположеніи костей и мускуловъ, чистота и отдѣлка въ оконечностяхъ, — все это несомнѣнные признаки Буонаротти: изображенные здѣсь лики напоминаютъ даже знаменитыхъ Ватиканскихъ Сивиллъ и *le Marie* въ Витербо: та же гигантская сила, презиравшая грацію, стремившаяся только къ божественному величію. — Говорятъ, будто извѣстный гравѣръ Тоски, восхитившись этимъ произведеніемъ, началъ было снимать съ него рисунокъ для гравюры; но смерть не позволила ему совершить трудъ, котораго лишены теперь любители искусства и поклонники Микеланджело, великаго зодчаго, ваятеля, живописца и стихотворца.

Третья картина, изображающая тотъ же предметъ и въ

такой же величинѣ, написана Антоніемъ Аллегри или Корреджіо, но далеко уступаетъ первой во всѣхъ отношеніяхъ; и потому обратимся лучше къ другому произведенію этого граціознаго живописца:

Это—первоначальная мысль Корреджіо, по которой создалъ онъ знаменитую картину *Поклоненіе пастуховъ* или такъ называемую *Почъ*, находящуюся въ дрезденской галерей. Она довольно тщательно выполнена водяными красками на сѣрой панкѣ, въ уменьшенномъ противъ настоящей картины размѣрѣ, но гораздо удачнѣе ея по красотѣ и естественности рисунка: та же картина, да не та! Весьма затруднительно было-бы сравнивать всѣ подробности первоначальнаго очерка съ соответствующими имъ подробностями окончательнаго выполненія, потому что замѣтить между ними очевидную разницу можетъ только *очевидецъ*. Мадонна передъ яслями, лелѣющая божественнаго Младенца, который необычайнымъ свѣтомъ озаряетъ все окружающее его; три изумленные пастуха, готовые пасть передъ Спасителемъ; св. Іосифъ съ осленкомъ; наконецъ, въ вышнихъ—пять ангеловъ, воспѣвающихъ славу Господу и во человѣцѣхъ благоволеніе; и не смотря на все это, первоначальная мысль Корреджіо далека отъ дрезденской его *Почи*: фигуры расположены совершенно иначе; нѣтъ въ отдаленіи двухъ еще пастуховъ; нѣтъ также быка и собаки; задній планъ совсѣмъ иной,—однимъ словомъ не находимъ въ этихъ двухъ произведеніяхъ ни одной общей линіи, ни одной общей складки, ни одной точки, которая была-бы списана одна съ другой. Нѣкоторые знатоки предпочитаютъ первоначальный очеркъ дрезденской картинѣ, относительно расположенія фигуръ, граціи въ лицахъ и эффекта въ освѣщеніи; довольно съ насъ и того, что это—первая мысль славнѣйшей картины Корреджіо, художника, съ которымъ никто еще не могъ сравниться въ обворожительномъ изображеніи улыбки и въ прозрачности колорита, и что, сверхъ того, сдѣланный водяными красками оригинальный очеркъ, самъ по себѣ,—весьма замѣчательная рѣдкость.

Слѣдующія двѣ картины, писанныя масляными красками въ гораздо-большихъ размѣрахъ, принадлежать къ трудамъ царя живописи—Рафаэля.

Одна изъ нихъ изображаетъ молодаго человѣка прелестной наружности, въ черномъ платьѣ, съ коротко выстриженными волосами. Голова его дотога естественна, смѣшеніе красокъ такъ искусно, взглядъ дотога оживленъ, улыбка и движеніе устъ столь нѣжны, что бесѣдуешь, кажется, съ живымъ человѣкомъ. Говорятъ, это портретъ одного изъ князей Гонзага; по-моему—это Шекспировъ Ромео! Находящійся въ Императорскомъ Эрмитажѣ портретъ Санацзаро напоминаетъ ту же самую кисть, ту же самую палитру; и знаменитый Римскій *Скрипачъ* едва-ли не уступитъ портрету князя Гонзага, относительно изящества красокъ и прелести выраженія.

Другая, болѣе важная картина Рафаэля (въ кружкѣ), изображаетъ идущую Богоматерь, съ Іисусомъ-младенцемъ на рукахъ, сопровождаемую маленькимъ Іоанномъ Крестителемъ. Христосъ, поддерживаемый холстяными помочами, сидитъ на правой рукѣ Богоматери и, подавши немного впередъ, благословляетъ Предтечу, который, скрестя на груди руки, благоговѣнно смотритъ на божественнаго Младенца; Мадонна обращаетъ ласковые взгляды къ Іоанну и лѣвою рукою гладитъ его по головѣ. Мысль картины совершенно нова; свѣтлый пейзажъ ея напоминаетъ окрестности Урбино; сила

и красота колорита необыкновенны; вся картина наполняетъ душу столь сладостнымъ чувствомъ, что трудно оторвать отъ нея взоры. Святая кротость въ чертахъ Богоматери, божественное величіе Младенца, примодушная преданность и усердіе во всей фигурѣ Предтечи, даютъ этому произведенію полное право красоваться среди самыхъ удачныхъ Мадоннъ Рафаэля; знатоки единодушно соглашаются, что эта картина, по тону своему и силѣ, болѣе всего приближается къ Мадоннѣ *della Perla*, находящейся въ Мадридѣ, а Іоаннъ Креститель написанъ въ томъ самомъ духѣ, какъ въ Мадоннѣ *della Seggiola*. Кто тщательно по частямъ разсмотритъ всѣ созданія этой дивной кисти, тотъ наконецъ убѣдится въ общей имъ, всегдашней оригинальности: Рафаэль вездѣ Рафаэль! его никакъ нельзя смѣшать съ другими мастерами, хотя онъ писалъ во сто различныхъ манерахъ, думая вездѣ уловить совершеннѣйшія черты своего идеала.

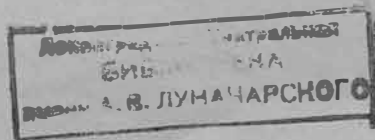
Принадлежащая г. Бузатто Мадонна Рафаэля названа ученымъ Карломъ Іосифомъ Ратти въ числѣ картинъ, украшающихъ дворецъ Джамбатисты Серра въ Генуѣ (*Istruzione di quanto puo vedersi di più bello in Genova, etc. 1770, pag. 152*).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней, шестой картинѣ этого рѣдкаго собранія, именно о довольно-большомъ грудномъ изображеніи Спасителя, пещущаго крестъ свой на Голгофѣ, или такъ называемомъ *Spasimo*, работы Леонардо да Винчи. Послѣ всего сказаннаго нами о прочихъ картинахъ, слова намъ измѣняютъ къ описанію этого превосходнаго произведенія, которое заслуживаетъ подробной диссертациі со стороны человѣка, болѣе свѣдущаго, нежели мы, журнальные энциклопедисты. Гдѣ прикажете взять выраженія, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о страдальчески-божественномъ ликѣ Іисуса? какимъ образомъ передать впечатлѣніе, которое производитъ взглядъ Его—грустный и сладостный, терпѣливый и рѣшительный? какъ изобразить уста, на которыхъ, вмѣсто укоризны,—состраданіе, которыя, не смотря на то, заставляютъ зрителя трепетать?... Какъ на картинѣ, представлявшей приносимую въ жертву Ифигенію, древній художникъ закрылъ лицо Агамемнону, потому что чувствовалъ себя не въ силахъ представить страданіе любящаго отца, такъ и мы принуждены довольствоваться молчаніемъ, потому что не можемъ описать впечатлѣніе, произведенное на насъ этой обворожительной картиной. Слѣдуетъ только повторить искреннее желаніе, чтобы всѣ шесть картинъ г. Бузатто были приобрѣтены русскими любителями художествъ и остались навсегда украшеніемъ отечественныхъ живописныхъ галерей.

КОНСТАНТИНЪ ЗВАНЦОВЪ.

МАРІЯ ТАЛЬОНИ.

Тальони явилась, въ первый разъ, въ Парижѣ, 23-го іюня 1827 года. Она танцевала десять лѣтъ на сценѣ Большой Оперы и 22-го апрѣля 1837 г. простилась съ парижской публикой. Отъѣздъ ея всѣхъ ошелюмилъ; много разъ, въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ, Тальони на-время оставляла сцену Оперы, гдѣ собирала столько букетовъ; но тогда знали, что она возвратится и съ нетерпѣніемъ ее ожидали. Когда въ воздухѣ показывалось нѣжное бѣлорозовое облачко, всѣ знали, что возвратилась Тальони. Но когда настала окончательная разлука, когда узнали, что

чульная сифида не оживить болѣе парижской сцены своимъ дѣйстви́тельнымъ полетомъ, горе было всеобщее. Тальони любили столько же, сколько и рукоплескали ей.

Она уѣхала въ Россію. Парижане потеряли надежду ее увидать и однако въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно, послѣ семилѣтняго отсутствія, Тальони снова явилась въ Парижѣ. Это было въ іюнѣ 1844 года, ровно семнадцать лѣтъ послѣ того, какъ она танцевала въ первый разъ на сценѣ Большой Оперы. Семнадцать лѣтъ! Только она одна могла еще восхищать черезъ столько времени. Что будетъ съ вами, прелестныя и остроумныя женщины, которыя танцуете, поете и аплодируете въ прекрасной залѣ Оперы? Куда дѣнутся свѣжесть вашего ума и вашей красоты, звучность вашего голоса, легкость вашихъ пожекъ?

Черезъ семнадцать лѣтъ Марія Тальони дала семь представлений, семь триумфовъ и собрала 22 тысячи франковъ.

Она снова оставила Парижъ и на этотъ разъ навсегда. Сифида сдѣлалась земной женщиной и поселилась на берегу Комскаго озера, въ великолѣпной виллѣ.

Нынѣче забывенная Терпсихора къ намъ возвратилась она пожелала снова увидѣть театръ своей славы. Еслибъ Тальони захотѣла, она бы могла еще танцевать, ее осыпали бы восторженными рукоплесканіями:—сифиды безсмертны. Тальони можетъ удостовѣриться, что если тѣнь ея исчезла, воспоминаніе о ней осталось.

Говорятъ, что умъ танцовщицы сосредоточивается въ ногахъ. Марія Тальони составляетъ исключеніе изъ этого правила. Тальони восхитительная женщина съ рѣдкимъ умомъ. Въ самомъ апогеѣ своей славы, она отличалась великимъ талантомъ, возбуждающимъ поклоненіе и очаровательной простотой, привлекавшей къ ней всѣ сердца. Не много найдется женщинъ, которыя бы такъ ясно олицетворяли идею о *женщинѣ-артисткѣ*, какъ неподражаемая и остроумная Тальони. Кто-то сказалъ: женщины бываютъ иногда тридцать лѣтъ, потомъ шестьдесятъ, но сорокъ — никогда! Съ Маріей Тальони ошибиться нельзя: она хвалится своими лѣтами съ граціозной непринужденностью, нелишенной нѣкотораго рода кокетства; ея разговоръ, веселый и простой, отличается милымъ добродушіемъ. Надобно слышать, какъ спокойно говоритъ она о своихъ трудахъ и успѣхахъ. По ея словамъ, ей помогло возвыситься скорѣе счастье, чѣмъ талантъ, и приписываетъ это счастье Верону, который довольно набилъ себѣ карманы во время своего управленія Большой Оперой. Тальони, какъ бы не подозреваетъ своей знаменитости и приписываетъ свое удивительное искусство превосходному учителю и врожденной легкости и переимчивости. Трудно представить себѣ, что женщину, которая судитъ о себѣ съ такимъ безкорыстіемъ, зовутъ Марія Тальони! Жизнь Тальони многимъ отличается отъ жизни другихъ артистовъ; монархи принимали ее съ уваженіемъ. Однажды въ Мюнхенѣ Тальони пригласили ко двору. Сифиду ввели вмѣстѣ съ ея матерію въ залу, гдѣ находилось нѣсколько дамъ и какой-то толстый господинъ. Увидя Тальони, толстый господинъ всталъ и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Сколько вамъ лѣтъ, дитя мое? спросилъ незнакомецъ.

— Четырнадцать.

— Такъ молоды и столько таланта?

Въ это время вошла королева.

— Пойдемте, я представлю васъ моей женѣ, сказалъ толстый господинъ.

Это былъ король.

Въ другой разъ ее пригласили въ королевскій замокъ. Покаместъ король и королева разговаривали съ Тальони, явились молодые принцессы.

— Подойдите, милыя дѣти, сказалъ король, и поклонитесь мнѣ Тальони; покажите, что вы воспользовались уроками благородной граціи, которые она вамъ даетъ на театрѣ.

Въ 1832 г. Тальони пріѣхала въ Берлинъ и хотѣла дебютировать въ *Баядеркѣ*. Ей совѣтовали не являться въ этой оперѣ; роль баядерки считалась неприличной. Другія танцовщицы придали этой роли не совсѣмъ благопрістойный характеръ и уронили піесу. Тальони не послушалась совѣтовъ; дебютировала въ *Баядеркѣ* и имѣла необыкновенный успѣхъ. Съ перваго появленія ея скромность и благопрістойность заставили уничтожить всѣ неблагопріятныя предубѣжденія. Король, присутствовавшій на репетиціяхъ, привезъ своихъ дочерей на генеральную репетицію и на первое представленіе. На другой день его величество пригласилъ Тальони во дворецъ и поздравлялъ ее съ успѣхомъ.

Король очень милостиво и любезно упрекалъ Тальони въ поздне́мъ пріѣздѣ въ Берлинъ.

— О! еслибъ я могъ, я бы непремѣнно поѣхалъ въ Парижъ полюбоваться вами, сказалъ властелинъ Пруссіи.

— Времена перемѣнились, ваше величество, отвѣчала съ улыбкой Тальони, и не всякій можетъ пріѣхать въ Парижъ, кто захочетъ!...

Король очень смѣялся этому лукавому отвѣту, весьма подходившему къ тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Принцесса Прусская дала вечеръ въ честь Тальони, припаятую съ большими почестями самыми высшими лицами Пруссіи. Въ этотъ вечеръ принцесса просила Тальони написать нѣсколько словъ въ ея альбомъ. Тальони, которая кромѣ пантомимы, этого всемірнаго языка, говоритъ на многихъ языкахъ, написала импровизированное четверостишіе, первый стихъ котораго былъ на нѣмецкомъ языкѣ, второй на шведскомъ, третій на англійскомъ, четвертый на итальянскомъ.

Вотъ танцовщица, сохранившая умъ въ сердцѣ и голосъ, а между тѣмъ сколько остроумной граціи въ ея танцахъ!

Одинъ танцоръ древности, по имени Мемфисъ, и философъ школы Пифагора, выражалъ въ своихъ танцахъ, по словамъ Ателеса, все превосходство философіи Пифагора съ большою силою, энергіею и изяществомъ, чѣмъ бы это сдѣлалъ профессоръ философіи.

Къ счастью Тальони не философствовала танцуя; но танцы ея олицетворяли все, что только можно себѣ представить нѣжнаго, страстнаго, женственнаго, небеснаго! Тальони замѣнила Терпсихору.

Много прекрасныхъ, великихъ танцовщицъ промелькнуло на сценѣ Большой Оперы, но музой танцевъ на вершинѣ Олимпа девятнадцатаго столѣтія, безспорно, можетъ назваться одна Марія Тальони!

ПОЛЬ ДИВУА.